

Глеб Иванович Успенский

Новые народные стишки

Мельком

Глеб Успенский

Новые народные стишки

«Public Domain»

1889

Успенский Г. И.

Новые народные стишки / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1889 — (Мельком)

«...Внимание и интерес Успенского к народному творчеству замечательно проявились в очерке «Новые народные стишки», впервые в литературе поставившем вопрос о частушке как о новой поэтической форме фольклора и закрепившем за нею название «частушки». Содержание частушек и песен помогает Успенскому с новых сторон осветить волновавшие его вопросы тяжелого положения крестьян и рабочих в условиях развивающегося в России капитализма...»

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Глеб Иванович Успенский

Новые народные стишки

(Из деревенских заметок)

1

...Сегодня первый день «светлой недели» – светлое воскресенье. И точно, есть в этом светлом дне что-то поистине «светлое». Вчера еще, в страстную субботу, то есть за несколько часов до «светлого дня», на деревне, на всем обиходе ее жизни, на всех ее обывателях отражались еще темные, суровые, скучные тени зимнего времени, зимнего прозябания; даже и предпраздничные хлопоты не убавили темноты этих зимних теней. «Бери полтеленка!» – слышится краткая речь обывателя, сказанная деловым, сухим тоном: «Ну-к што ж!» – таким же деловым тоном отвечает другой обыватель, и оба молча идут по грязи улицы, по грязи двора прямо в грязнейший хлев и здесь молча прерывают ножом юный звук юного телячьего баритона, свидетельствующего о том, что давно бы бабе надобно принести юнцу молока. Звук прерван сразу, перерезан как нитка, и опять из хлева слышатся суровые звуки: «Два пуда пятнадцать...» – «Ну-к што ж!» Четырьмя лапами дерут молчаливые обыватели шкуру, теребят нутро, гвоздят топором в телячью спинную кость и, сказав друг другу «прощавай», волокут на плечах каждый к своей бабе по полутела невинно убиенных телят. А когда они волокут телят, откуда-то от соседей слышен неистовый, истерический вопль свиньи. Но и этот вопль вдруг прекратился в мертвом молчании деревенской улицы, и слышится опять тот же звук, доказывающий, что и над свиньей орудуют уж топором. Молчание в это время всеобщее, работа черная, грязная; молчат мужики, молча неистовствуют грязные с головы до ног бабы в океане накопленной за зиму грязи, которую надо всю истребить к светлому дню. Позднюю ночью, плетутся обыватели из жарких бань в еще более жаркие избы; пахнет здесь сырым горячим полом, горячим хлебом, горячим мясом. Еле-еле дотягивают до заутрени.

Но вот и утро светлого дня. День ясный и тихий, и опять тишина на дворе и на улице, но уже не та суровая тишина, что вчера: отдыхают люди от зимы, от поста, от хлопот и от розговен. Веет началом полевого весеннего труда, дело идет к весне, к травке, к зелени древесной. «Святая!» – покончено, стало быть, с зимой, с сугробами, вьюгами, гололедицей. Начинается новая жизнь, и уж измены в ней к худому и к суровому не будет. Тихо и пустынно в деревне, пока не отойдет поздняя обедня; да и после поздней обедни народ расходится молча: поспать еще тянет каждого. Но к часу дня посреди дороги идет уже «гостить» в соседнюю деревню молодой парень; он, конечно, в пиджаке, в высоких сапогах и с гармонией, которую открывает сезон мясоеда. Он только тронул, перебрал, сделал два-три «перебора», главным образом на басах, и явно для всех таким образом засвидетельствовал, что сезон весенний начался.

А скоро вслед за звуком гармонии, как и всегда, неведомо откуда доносятся звуки девичьих песен. Откуда они? Никогда не угадаешь. Но они всегда одни и те же, они вековечны в своей приятнейшей гармонии и милы именно тем, что вечны, неизменны; неведомо откуда несутся, но всегда доносят вековую радость жить на свете. Чего-чего не пережито этой деревней, хотя бы в эту зиму? И холод, и всякий недостаток, и хворь, и домашняя, семейная вражда; были случаи, опивались люди, замерзали, было убийство, были случаи, что человек разорился, другой сгорел; были неприятности из-за податей, из-за долгов кулакам; были горькие слезы, когда миленьких дружков в солдаты гнали, отчего из восьми невест, вполне уверенных, что прошлым мясоедом они уже будут замужем, только две пристроились, да и то одна через месяц, вся избитая, воротилась к родителям. Горя, нужды, тоски, холода, голода, слез, злобы – тьма!

Но вот несутся же эти животворные, вечные, неизменные звуки, несутся они, как звуки песни жаворонка. Неизменна эта песня сначала для малого ребенка, потом для молодого парня и, наконец, для старика. Человек был ребенком – стал стариком, а жаворонок все тот же: все так же прячется в солнечном луче, в глубине светлого воздуха и поет все ту же, вековечно-неизменную, радостную песню. И народная песня такая же вековечно-неизменная, и она говорит только о неугасимой, несокрушимой силе жизни, напоминает только эту радость жить, звучит никогда не стареющим, вечно и неизменно юным звуком.

Конечно, если разыскать этот хор и подойти к нему поближе да послушать, как «визжат» эти измучившиеся за зиму и приготавливающиеся мучиться летом крестьянские девушки, – то, может быть, впечатление было бы и другое; но я говорю именно о наилучшем впечатлении, которое производят эти девичьи хоры. Трогали меня и прежде эти неведомо откуда доносящиеся отрадные, вечно неизменные и вечно целебные, животворящие звуки; но в тот светлый день, о котором теперь идет речь, они как-то особенно взяли меня за живое. «Ведь не угасает жизнь-то! – подумалось мне. – Неизменно живет живая душа!» Горя много знал я – и своего и чужого; много знали мы, деревенские обыватели, всяких мучений от суеты сует. Не отдохнуть ли хоть немножко в этой музыке народной песни, где и горе-то облечено в такую форму выражения, которая оживляет сердце ощущением радости «вечной жизни»?

Под таким впечатлением я и задумал пересмотреть разные тетрадки с новыми народными стишками, в разные времена доставленные мне кой-кем из моих приятелей или по моей просьбе записанными самими крестьянами, и извлечь из них все, что хоть мало-мальски может дать понятие, о чем *теперь* поет народ? Точного и обстоятельного ответа на этот большой вопрос в этой заметке никоим образом быть не может: и материала у меня немного, весь он к тому же состоит из лоскутков и клочков, и относится он частью к одной местности, а частью взят из таких условий народной жизни южных губерний, которые с нашими северными местами не имеют ровно ничего общего.

2

Какой-нибудь новой *песни*, которая бы вышла непосредственно из земледельческой среды, я не слыхал, и в тетрадках, где записано то, что поется народом, нет ничего, что бы имело законченную форму. Поэты, выходящие из крестьянской среды (такие поэты есть, и об одном из них я расскажу ниже), хотя уже и могут благодаря знанию грамоты изложить свои сочинения письменно, но большею частью они уже тронуты какими-нибудь посторонними крестьянской жизни влияниями, почему в их произведениях иногда высказываются самые, как говорится, «превратные» понятия о хороших и худых явлениях жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.